

Від редакції "ПМ": Постійний німецький автор "Постметодики" Гьотц Хілліг, відзначаючи 2013 року *четвертий* ювілей – 125-річчя від дня народження А. С. Макаренка (13 березня), своє особисте 75-річчя (15 лютого), 50-річчя його першої публікації про А. С. Макаренка (навесні) і 45-річчя заснування лабораторії "Макаренко-реферат" Марбурзького університету (9 лютого), надіслав у "ПМ" три архіваві матеріали. Нам приємно опублікувати ці нові праці Г. Хілліга.

УДК 371.4(477.53)

В УКРАЇНУ, К АНТОНУ МАКАРЕНКО...

40 ЛЕТ ИССЛЕДОВАНИЙ НА РОДИНЕ КУМИРА*

Г. Хиллиг

Автор проводит самоанализ сорока лет исследований в советское и постсоветское время в Украине жизни и деятельности А. С. Макаренко, раскрывая проблемы командировок иностранного ученого, возможности работы в государственных библиотеках и архивах и особенности сотрудничества с издателями и исследователями в советский и постсоветский период в России и Украине. Доклад подготовлен к Международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения А. С. Макаренко.

Ключевые слова: А. С. Макаренко, Г. Г. Ващенко, Н. Н. Миронов, О. К. Кононенко, государственные библиотеки и архивы Украины, Полтава, Ковалевка, Харьков, Киев, Львов, марбургские макаренковеды, советское макаренковедение, Опускула Макаренкиана, Л. Пеха, А. А. Абаринов, Ф. И. Науменко, Н. Д. Ярмаченко, В. И. Марочко, Н. Н. Окса, С. Ф. Клепко, В. Ф. Моргун.

Хілліг Г. В Україну, до Антона Макаренка ... 40 років досліджень на батьківщині кумира

Автор проводить самоаналіз сорока років досліджень за радянського і пострадянського часу в Україні життя й діяльності А. С. Макаренка, розкриваючи проблеми відряджень іноземного вченого, можливості роботи в державних бібліотеках та архівах, особливості співпраці з видавцями й дослідниками в радянський і пострадянський період у Росії та Україні. Доповідь підготовлено до Міжнародної науково-практичної конференції, присвяченої 125-річчю від дня народження А. С. Макаренка.

Ключові слова: А. С. Макаренко, Г. Г. Ващенко, М. М. Миронов, О. К. Кононенко, державні бібліотеки та архіви України, Полтава, Ковалівка, Харків, Київ, марбурзькі макаренкознавці, радянське макаренкознавство, Опускула Макаренкіана, Л. Пеха, О. О. Абаринов, Ф. І. Науменко, М. Д. Ярмаченко, В. І. Марочко, М. М. Окса, С. Ф. Клепко, В. Ф. Моргун.

To the Ukraine, to Anton Makarenko ... 40 Years of Research at the Idol's Motherland.

The author is conducting self-analysis of forty-year long research on A. S. Makarenko's life and activities, which has been carried out in Soviet and post-Soviet Ukraine; focusing on the problems of mission trips of a foreign scientist, the ability to work in scholarly libraries and archives, and cooperation with publishers and researchers. The report was to be presented at the International Scientific Practical Conference dedicated to the 125th anniversary of the birth of Anton Makarenko.

Key words: A. S. Makarenko, G. G. Vashenko, M. M. Mironov, O. K. Kononenko, State Library and Archives of Ukraine, Poltava, Kovalivka, Kharkov, Kyiv, Lviv, Marburg Makarenko researchers, "Opuscula Makarenkiana", Makarenko study in the USSR, L. Pekha, O. O. Abarinov, F. I. Naumenko, M. D. Yarmachenko, V. I. Marochko, M. M. Oksa, S. F. Klepko, V. F. Morgun.

Позвольте мне как зарубежному макаренковеду рассказать вам немного о моём особом отношении к Украине. Мой рассказ будет состоять из трёх частей.

1. Командировки

Молодые участники конференции совсем не знают о том, что до распада СССР иностранцам нельзя было беспрепятственно ездить по всей социалистической

стране и посещать то место, которое хочешь, – это относилось и к Советской Украине. Важным условием поездки в некий пункт было отсутствие у него статуса закрытой территории – вследствие нахождения на ней военных объектов; кстати, в России много таких территорий сохранилось до сих пор. Как макаренковед меня, конечно, привлекали Кременчуг, Полтава, Харьков и Киев. Однако два первых города были закрыты для ино-

* Пересмотренный вариант выступления, которое 13 марта 2013 г. было прочитано в с. Ковалёвке Полтавской области на Международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения А. С. Макаренко.

Хілліг Гьотц (Hillig Goetz), доктор габілітований, приват-доцент історії педагогіки Марбурзького університету, керівник лабораторії "Макаренко-реферат" (Німеччина), іноземний член Національної академії педагогічних наук України і Російської академії освіти, віце-президент Міжнародної макаренківської асоціації

странцев из-за находившихся там военных производств, и, таким образом, я в первые 20 лет своих регулярных поездок в Советский Союз не мог посещать Полтаву, а также и Ковалёвку. Во время моего пребывания в Харькове и Киеве я, конечно же, не мог удержаться, чтобы не разглядывать расписания поездов в Кременчуг и Полтаву на главных вокзалах этих двух городов. Но тем дело и заканчивалось...

Для поездок в СССР выдавались визы не в страну в целом, а исключительно в фигурировавшие в моём запросе "открытые" города, где ещё до выдачи визы для меня бронировалась, как правило, очень дорогая гостиница ведомства "Интурист". Те же места, где такого зарезервированного для иностранцев отеля не было, оставались недоступны. Это, конечно же, обеспечивало полный контроль за соблюдением заявленного маршрута поездки и, соответственно, за моим местонахождением. Переночевать, к примеру, в менее дорогой гостинице, в общежитии или просто у коллег – всё это было исключено. Такое стало возможным только после "перестройки" и, конечно же, способствовало как облегчению всех процедур, связанных с организацией командировки в бывший СССР, так и – что немаловажно – существовавшему сокращению расходов на нее.

Так как мы, марбургские макаренковеды, оценивались советскими коллегами в их публикациях в высшей степени критически и даже назывались "фальсификаторами", нас не приглашали выступать на конференциях в СССР, не только на Всесоюзных, но даже на областных научно-практических в Полтаве в 1986 и 1988 гг. Мы были персонами нон грата. В силу этих обстоятельств я смог впервые побывать в Вашем городе, а также в Ковалёвке, только в декабре 1988 г.

2. Государственные библиотеки и архивы

С 1971 г. я регулярно работал в государственных библиотеках и архивах Москвы и Украины. В качестве целей поездки, которые я указывал в советское время в моих запросах на получение визы, неизменно фигурировало желание работать в крупных библиотеках Москвы, Киева и Харькова. Именно внутри этого треугольника и совершались мои многочисленные путешествия. В соответствующих библиотеках (в "Ленинке" в Москве, в Национальной научной библиотеке в Киеве и научной библиотеке им. Короленко в Харькове) все открытые фонды мне были доступны; недоступными оставались только засекреченные. В "открытую" литературу, помимо книг и журналов, входили также центральные и местные газе-

ты. Зная места проживания и деятельности Макаренко в соответствующие периоды его жизни, я систематически изучал соответствующую периодику и, двигаясь по этому пути, сумел открыть для общественности многочисленные материалы, которые были оставлены без внимания советскими исследователями, в том числе и некоторые написанные самим Макаренко статьи. В особенности это относилось к украиноязычной периодике. Своими находками я поделился в моих публикациях о колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф. Э. Дзержинского, а украиноязычные вдобавок переиздал в факсимильной форме с сопутствующим их переводом на немецкий язык в сборнике под названием "Ucrainica. Педагогическая деятельность А. С. Макаренко в свете украиноязычной прессы (1924–1937 гг.)". Марбург, 1982). Из 61-й публикации, включенной в этот сборник, в советской печати о Макаренко ранее были упомянуты только 8.

Особый интерес среди открытий представляли четыре статьи Г. Г. Ващенко из периода 1926–1928 гг. Будучи доцентом Полтавского института народного образования, тот был восхищён успешным экспериментом перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей в колонии им. М. Горького и всячески превозносил опыт Макаренко. Но в годы войны, находясь на оккупированной фашистами Украине, Ващенко отрёкся от образа и наследия своего прежде уважаемого коллеги, к тому времени уже канонизированного в качестве классика советской педагогики. Позже, в Мюнхенский период своей жизни, он продолжал осуждать Макаренко и даже клеветать на него. Интерес к личности и творчеству Ващенко до сегодняшних дней ограничивается его вкладом в национальное и религиозное воспитание. После развала СССР Ващенко, как известно, возвеличен до "главбога" на вершинах нового "педагогического Олимпа" его родной земли, где он почти занял место Макаренко и Сухомлинского. При этом его бравурные высказывания о колонии им. М. Горького, переизданные в сборнике "Ucrainica", так и остаются без должного внимания. Об амбивалентных отношениях Григорий Ващенко – Антон Макаренко см. мою брошюру (в соавторстве с мелитопольским макаренковедом-педагогом Николаем Николаевичем Оксой и полтавским макаренковедом-психологом Владимиром Федоровичем Моргуном) "Г. Ващенко – педагог от Бога". Мелитополь, 2000.

В отношении же отсутствовавших в каталогах и, следовательно, недоступных или уничтоженных (на основе соответствующих решений ЦК ВКП(б)) фондов

библиотек я в советские времена, конечно же, не мог получить никакой информации. Это стало возможным только в последние 20 лет. В это время открылись для доступа закрытые публикации, в том числе и печатные органы небольшевистских партий, существовавшие в 1917–1922 гг. Последние я мог использовать в своих публикациях о деятельности Макаренко в качестве заведующего городским низшим начальным училищем им. князя Куракина в Полтаве, а также заведующего колонией в Ковалевке, которая была названа позже именем Горького.

Что же касается работы в советских государственных архивах, то мой моравский коллега Либор Пеха (который имел право проводить в них изыскания ещё до меня) во время своей исследовательской командировки в Марбург в 1969 г. указал мне на одну особенность: по общей теме "Макаренко" в советских архивах сначала предлагаются для ознакомления произвольно выбранные хранителями документы, а затем каждый отобранный архивным начальством документ последовательно – один за другим – выдаётся на руки для исследований. Зная наименования некоторых соответствующих архивных материалов из советской литературы о Макаренко, я мог сразу же, в самом начале моих командировок в СССР, напрямую показывать их в архивах по соответствующим шифрам и тем самым постепенно просматривать большую часть соответствующих фондов. Впрочем, для меня как иностранца доступ к генеральным каталогам библиотек и архивов в советское время был закрыт. Я работал с ними только в последние 20 лет.

После того, как мы, "марбуржцы", нашли во Франции скрытого по известным причинам для советских макаренковедов брата педагога-писателя, бывшего белогвардейца Виталия Семёновича Макаренко, и опубликовали его воспоминания о совместно прожитых годах детства и юности, мой особый интерес, конечно же, вызывали Кременчуг и Педагогическо-мемориальный музей А. С. Макаренко в бывшем родительском доме братьев в Крюкове. Директор музея, Пётр Георгиевич Лысенко, с которым я переписывался ещё с 70-х годов, во время моего первого посещения этого города в начале 90-х годов охотно показал мне известные по рассказам Виталия Семёновича улицы и площади, где находились квартиры главных действующих лиц его воспоминаний, а также кладбище Крюкова, где сотрудникам музея на основе начертанного В. С. Макаренко детального плана удалось установить местонахождение могилы умершего в 1916 г. С. Г. Макаренко – отца Антона и Виталия. После публика-

ции данного плана в Марбурге в 1973 г. в эту же могилу были перенесены останки их матери (умерла в 1931 г. в Харькове). Содержимое фондов Крюковского музея я мог исследовать под зорким оком Петра Георгиевича во время своих визитов в Кременчуг, и в моих соответствующих публикациях я цитировал свои музейные находки.

В 1923 г. декретом Совнаркома УССР был взят курс на "украинизацию" учебно-воспитательных учреждений республики, поэтому с лета 1924 г. А. С. Макаренко был обязан вести дело-производство колонии на украинском языке. Деловые письма, которые "завкол" Макаренко адресовал местному и республиканскому руководству с июля 1924 по октябрь 1925 гг., хранятся в госархивах Киева и Полтавы – бывшем Центральном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства УССР и Государственном архиве Полтавской области (ГАПО). Мне удалось найти 24 соответствующих текста в фондах этих архивов; работа в них велась более десяти лет. Начиная с 1986 г., пять писем были опубликованы – в СССР, а потом в СНГ. Известные мне документы я включил в трехязычное издание (оригинал плюс перевод на русский и немецкий языки): "Страдания "украинизированного" завкола. Деловые письма А. С. Макаренко на украинском языке (1924–1925 гг.)". Марбург, 1996 (Opuscula Makarenkiana, Nr.18).

Нельзя не упомянуть также и об особенностях документов о Макаренко, хранящихся в ГАПО. Основными источниками для подготовки двухтомника документов и материалов о Полтавской трудовой колонии им. М. Горького (1920–1926 гг.), который вышел в свет непосредственно к международному семинару "А. С. Макаренко и мировая педагогика" (г. Полтава, 9–10 апреля 2002 г.), стали именно эти материалы. Кроме оригинальных документов и газет из фондов данного архива, речь идёт также о сохранившихся там фотокопиях материалов, полученных в конце 80-х годов из Центрального госархива Октябрьской революции УССР, а именно по заказу организованной в 1985 г. Лаборатории по изучению и пропаганде педагогического наследия А. С. Макаренко при Полтавском пединституте в связи с созданием в селе Ковалёвка музея-заповедника. Анализ опубликованных в двухтомнике источников показал, что лишь 39 (из 128) архивных документов подлинные – то есть речь идёт об оригиналах только в 30 % случаев. На это я обратил внимание в вышедшей в "Постметодике" рецензии.

Особенно богатыми оказались фонды Госархива Харьковской области (ГАХО),

посвящённые истории колонии им. М. Горького во время её пребывания в Куряже – пригороде тогдашней столицы Украинской ССР. Уже во время моих первых посещений этого города мне удалось обнаружить многочисленные документы, не замеченные советскими макаренковедом, в том числе и архивные материалы и газетные публикации на тему совершённого по экономическим и педагогическим мотивам переезда полтавской колонии на новое место, известное из "Педагогической поэмы" под названием "Завоевание Куряжа". Соответствующие тексты были опубликованы мной в двуязычном издании: "В Харьков или в Запорожье? Сборник документов о переводе колонии им. Горького из Полтавы на новое место ("Завоевание Куряжа") 1925 – 1926 гг.". Марбург, 1985 (Opuscula Makarenkiana, Nr.5).

Как выяснилось, особой научной ценностью являются фонды документов, хранящихся в ГАХО, об основанной в 1927 г. и возглавляемой А. С. Макаренко до 1932 г. коммуне им. Ф. Э. Дзержинского ГПУ-НКВД УССР. Обнаружить их было нелегко, так как, наряду с уже известными фондами, они размещались в госархиве под неизвестным ранее довоенным названием этого учреждения "Харьковский комбинат НКВД СССР им. Ф. Э. Дзержинского, 1934–1941 гг.". Обнаруженные фонды в первую очередь включают материалы о продукции заводов коммуны, но вместе с тем здесь фигурируют также списки и характеристики сотрудников других её подразделений, в том числе лиц, отбывающих в этом учреждении срок наказания, а также материалы о работе секретных и мобилизационных частей коммуны, занимающихся укреплением обороноспособности страны и "чисткой" руководящего аппарата "Дзержинки" "не только от социально чуждых, но и враждебных элементов". Эти источники позволяют получить представление об обстановке в коммуне и вообще в стране в последние годы работы педагога-писателя в Украине. За информацию о недавно открытом фонде о коммуне им. Ф. Э. Дзержинского я выражаю благодарность Н. Н. Оксе.

К материалам о Макаренко из ведомственного архива МВД Украины имел доступ мой киевский коллега Александр Александрович Абарин, руководитель отдела учреждений для несовершеннолетних правонарушителей данного министерства и соавтор моей публикации под названием "Испытание властью. Киевский период жизни Макаренко (1935–1937 гг.)". Марбург, 2000 (Opuscula Makarenkiana, Nr.22). Без нашей совместной продуктивной работы эта книга,

в которой впервые детально описывается замалчиваемая ранее деятельность педагога-писателя в центральном аппарате НКВД Украинской ССР, вряд ли была бы возможна. Приведенные в ней архивные подлинники автобиографии, личного листка по учету кадров, рапорта А. С. Макаренко, относящихся к этому периоду, стали сенсационным открытием для большинства исследователей биографии выдающегося педагога-писателя.

3. Издатели и исследователи

С 1972 г. я состоял в интенсивной исследовательской переписке с Фёдором Ивановичем Науменко – доцентом кафедры педагогики Львовского университета и издателем серии "А. С. Макаренко", старейшиной советского макаренковедения. В последующие годы я многократно бывал у него в гостях. Во время моих поездок во Львов, где я, само собой, жил в гостинице "Интурист", я мог прийти к Науменко домой и обсудить с ним многочисленные актуальные проблемы макаренковедения. Наше научное общение продолжалось и в ходе переписки. Особенность ее состояла в том, что те вопросы, на которые Науменко не мог ответить самостоятельно, он адресовал компетентным лицам, при этом, скорее всего, не обременяя их информацией, что эти вопросы исходят не от него самого. Полученные ответы он впоследствии вставлял в свои собственноручные письма ко мне, избавляя тем самым своих советских собеседников от опасности преследования по закону за "разглашение тайн иностранцам". Свидетельством аутентичности копий соответствующих писем очевидцев служит совпадение с ксерокопиями, которые я по своей просьбе получил от него во время своего первого визита во Львов. Таким образом, мы могли сразу же в начале нашей переписки прояснить адресованный соответствующим лицам вопрос о том, кто принадлежал к упомянутым в "Педагогической поэме" "первым шести" воспитанникам колонии им. М. Горького и как впоследствии сложилась их судьба. В своих публикациях я снова и снова ссылался на соответствующие подробные высказывания воспитанников Макаренко, которые в то время уже находились в преклонном возрасте и жили в разных концах СССР.

В дополнение к этому Фёдор Иванович передал мне ещё и некоторые документы для использования в наших марбургских публикациях. Особое значение имел микрофильм стенографического отчета исторического заседания 14 марта 1928 г. Украинского научно-исследовательского института педагогики (УНИИП), посвя-

щённого дискуссиям по вопросу о педагогической концепции, которую выработал Макаренко для руководимой им харьковской коммуны имени Ф. Э. Дзержинского. В данном заседании участвовали не только теоретики и практики от педагогики, но также и представители ГПУ УССР и сотрудники коммуны. Науменко не мог опубликовать микрофильм этого дотоле неизвестного документа в книгах своей серии "А. С. Макаренко". Поэтому я позже включил этот важный текст в изданную мной книгу под названием "На вершине "Олимпа". Подборка документов о конфликте Макаренко с представителями украинского "соцвоса" (февраль – март 1928 г.)". Марбург, 1991 (Opuscula Makarenkiana, Nr.12).

В 1983-м г. Марбургский университет за заслуги перед макаренковедением и за исследования по истории педагогики Украины присвоил Ф. И. Науменко звание почётного доктора философии. Так как сам учёный по состоянию здоровья не мог приехать в Марбург, я передал ему свидетельство во время моего следующего визита во Львов.

В ответ на мою просьбу Фёдор Иванович написал предисловие к подготовленной мною совместно с венгерским макаренковедом-психологом Ференцем Патаки публикации "Самоутверждение или конформизм? К вопросу идейно-политического становления А. С. Макаренко". Марбург, 1987 (Opuscula Makarenkiana, Nr. 6). Здесь можно прочесть: "Наше советское макаренковедение в известной мере все еще "варится в своем соку". Оно не уделяет достаточного научного внимания тем работам, которые публикуются за границей. Эти работы оцениваются лишь как свидетельства распространения идей великого педагога. Если они были созданы в социалистических странах или же выходили из-под пера авторов-марксистов, то – независимо от их качества – мы встречаем такие работы обычно с благосклонностью. Если же они написаны в западных странах, авторам в большинстве случаев приклеиваются определенные ярлыки, и серьезная, объективная и деловая дискуссия подменяется общими оценочными суждениями.

Конечно, наши симпатии на стороне близких нам по духу авторов, но все же научная истина и объективность требуют, чтобы каждое деловое слово получило деловую оценку, где бы оно ни было высказано. Неоспоримым является тот факт, что как в социалистических, так и в западных странах достигнуты результаты, которые обойти молчанием не только невозможно, но и недостойно, если иметь ввиду интересы науки и ее моральные основания. Наше отечественное макаренковедение нуждается в широких и деловых

дискуссиях, причем с международным горизонтом, по всем основным вопросам жизни и творчества А. С. Макаренко. В этой связи мне кажется, что необходимо всегда ясно и честно называть источники, используемые в нашей литературе о А. С. Макаренко, как этого требуют научные стандарты.

В последнее время в общественной и духовной жизни страны все более энергично прокладывают себе дорогу тенденции гласности и исторической правдивости. Вот почему мне кажется отрадным – именно накануне столетия со дня рождения нашего Антона Семеновича – бросить взгляд "за наши ограды", непредвзято приняв к сведению труды из области заграничного макаренковедения". Ф. И. Науменко умер в 1991 г.

В начале же своей переписки с Науменко я обращался к нему как к издателю серии "А. С. Макаренко". В одном из своих писем ко мне Фёдор Иванович между прочим сообщил о том, что наш коллега Михаил Федосеевич Гетманец, профессор-филолог Харьковского педагогического университета, убедил его в серьёзности ведущихся в Марбурге исследований. Я многократно встречался с Гетманцем во время своих поездок в Харьков в советское и постсоветское время. В ответ на мою просьбу он написал предисловие к одной из моих публикаций: исследованию на тему "Макаренко в год "Большого террора"". Марбург, 1998 (Opuscula Makarenkiana, Nr. 21).

Информацию еще об одном живом свидетеле событий 20-х и 30-х гг. XX века, происходивших в педагогических кругах Киева, я получил от тогдашнего директора НИИ педагогики УССР, действительного члена АПН СССР, первого президента Международной макаренковской ассоциации (ММА) Николая Дмитриевича Ярмаченко. Речь идёт о бывшем члене научпедкома Главсоцвоса НКП УССР Николае Николаевиче Миронове, участнике вышеупомянутого заседания УНИИПа от 14 марта 1928 г., с которым я познакомился в 1991 г. в Киеве (сразу же после основания в Полтаве ММА). К нему я многократно приезжал в последующие годы. Обладавший феноменальной памятью, Н. Н. Миронов точно назвал имена и фамилии известных мне из архивных документов и тогдашней прессы чиновников педагогического ведомства Украины, попавших в поле деятельности Макаренко, расставлял события и действующих лиц по порядку во временной последовательности и характеризовал их. Благодаря полученным от Н. Н. Миронова сведениям, которые я привожу в своих публикациях, мне удалось пойти дальше и обнаружить новые архивные документы и публикации и использовать их в исследованиях.

В 1990 г. я сумел установить связь ещё с одним важным свидетелем, который в 1951 г. вместе с родителями переехал из Мюнхена в США, где они поселились под Нью-Йорком (г. Бунтон, штат Нью-Джерси). Речь идёт об Олеге Кононенко, сыне Константина Семёновича Кононенко, которого Макаренко в годы террора и всеобщего страха называет своим лучшим другом. К. С. Кононенко подвергся репрессиям за "саботаж коллективизации сельского хозяйства", в 1932 г. его направили для "перевоспитания" в коммуну им. Дзержинского, где он работал начальником финансовой части.

Сын Кононенко Олег, который окончил рабфак "Дзержинки" и Харьковский университет ещё в 1939 г., в Америке стал профессором химии. Когда я его нашёл (данные об Олеге Кононенко включены в справочник "Men and Women in American science"), он был уже пенсионером. Олег Кононенко, у которого я дважды был в гостях в Америке, помог мне приоткрыть некоторые страницы биографии его отца и дружбы с Макаренко, передал документы и материалы их семейного архива и дал необходимые пояснения при чтении рукописных писем родителей к Макаренко. Олег умер в 1998 году.

Три варианта воспоминаний Кононенко о Макаренко в 1997 г. были мной опубликованы совместно с киевском историком Василием Ивановичем Марочко в 20-м выпуске марбургской серии "Опускула Макаренкиана" под названием "Свидетельства искренней дружбы: воспоминания К. С. Кононенко о А. С. Макаренко". В 1989 г., в период перестройки, В. И. Марочко выполнял поручение АН УССР в рамках начавшейся тогда реабилитации приговорённых в 1930 г. по уголовному делу "Контрреволюционная вредительская организация в сельском хозяйстве Украины". Среди репрессированных оказался и К. С. Кононенко, родственников которого разыскивал В. И. Марочко. Он уже переписывался с Олегом Кононенко.

После того, как я с помощью О. К. Кононенко разыскал В. И. Марочко, началось наше более чем 20-летнее плодотворное научное сотрудничество. Отталиваясь от историко-биографического направления макаренковедения, мы совместно работали над проектом, посвящённым репрессиям педагогов Украинской ССР, результатом которого стал выход книги на украинском языке: Марочко Василь,

Хіллїг Гьотц. Репресовані педагоги України: жертви політичного терору (1929–1941). – Київ, 2003.

В 1991 г. киевский журнал "Радянська школа" ("Рідна школа") (главный редактор: Иван Степанович Щербатенко) начал публикацию моей, переведённой сотрудником редакции с русского на украинский язык статьи, а также "Воспоминаний" В. С. Макаренко – переводчиком в данном случае был сам главредатор. Этот (в то время ведущий в постсоветской Украине) научно-педагогический журнал, очевидно, хотел опередить публикацию русскоязычного оригинала "Воспоминаний" в московском журнале "Педагогика", что ему и удалось. Это напомнило мне об одном фрагменте в письме Макаренко к Горькому от 14 июня 1934 г., где по поводу второй части "Педагогической поэмы" сказано следующее: "Вероятно, украинский перевод выйдет раньше, так как [издательство] "Радянська література" спешит обогнать Москву, справедливо рассчитывая, что читатель будет читать по-украински только в том случае, если рядом нет лучшего".

В 1999 г. украиноязычный журнал Полтавского областного института последипломного педагогического образования им. М. В. Остроградского "Постметодика" (главный редактор: Сергей Федорович Клепко) начал перепечатку моих статей в русскоязычном оригинале. Этому в 1996 г. предшествовало присвоение мне почётного звания Иностранного члена АПН Украины. В 2001 г. я был введён в состав редколлегии данного журнала. Русскоязычные публикации (с резюме на украинском, русском и английском языках) во времена возобновившейся украинизации всех сфер образования в постсоветской Украине свидетельствуют об устремлениях редакционной коллегии этого журнала и даже о мужестве Клепко: сделать мои тексты доступными и для тех заинтересованных читателей, которые не сильны в украинском языке, а также для читателей за пределами Украины.

Вспоминая о былом, сожалею лишь об одном, что не написал научной биографии А. С. Макаренко; но надеюсь: это сделают другие, имея наши многочисленные труды о педагоге, писателе, человеке-гуманисте.

Цитувати: Хіллїг Г. В Україну, к Антону Макаренко... 40 лет исследований на родине кумира / Г. Хіллїг. – Постметодика. – 2013. – № 1. – С. 6–11.